

Весталки. Элегия

Известный роман уральца Николая Никонова обрел эпическое прочтение на сцене

Иногда сценография (художник Лев Низами) будет превращать колодец в очаг – символ дома, семьи, но и возле него у каждой из героинь – своя невыносимая драма

Ирина КЛЕПИКОВА

Можно только предполагать, почему каменская «Драма Номер три» обратилась к роману Николая НИКОНОВА «Весталка», пережившему взрыв читательского интереса в 1980-е. Спектакль был поставлен в самом начале этого сезона. Но если иметь в виду, что в следующем году – юбилей Победы, то надо признать: театр отважно взялся за непопулярную и горькую тему – женщина на войне.

Когда роман в 1986 году вышел, автор попал под довольно жесткий «обстрел» оппонентов. Как посмел? Почему в книге о войне показывает не героическое, а – ЭТО? Боль, пошлость, горе, уязвимость женщины в мужском окружении на войне. Никонову досталось от многих, в том числе и от самих фронтовичек, посчитавших, что автор оболгал святое. И только отдельные из них, вспоминая свои журналистские интервью, мимоходом и шепотом признавали: было и такое. Было.

Адаптировал «Весталку» для сцены драматург **Николай Коляда**. И со знанием дела, даже сохранив для сцены жанр первоисточника – «роман», он превратил повествование об одной главной героине (так у Николая Никонова) в грустную эпопею о военном «бабьем царстве». Уралочка Лидия Петровна Одинцова (заслуженная артистка РФ **Лариса Комаленкова**) «держит», как и в романе, всю историю: рассказывает о перипетиях собственной судьбы и о судьбах тех, с кем свела жизнь на фронте, в госпитале и после войны. Но один женский «крупный план» романа трансформировался на сцене во много «разных». И оттого возник объем (режиссер **Александр Бальков**), панорама судеб российских «весталок».

В древней истории весталки, жрицы богини очага Весты, посвящали свою жизнь соблюдению религиозных ритуалов и поддержанию священного огня в храме. Наделенные знаками святости, они освобождались от привычных социальных обязанностей, в том числе и... материнства. Безбрачие и целомудренность были их уделом. И делом чести. Но в новейшей истории многих россиянок обрекла на это война.

Как Лидия Одинцова аккумулирует в своей судьбе истории сверстниц, попавших под злоеvolentный прессинг войны, так одинокий большой колодец в центре сцены – квинтэссенция сценографии спектакля (сценограф и художник по костюмам **Лев Низами**). Возле колодца встретятся Лида (**Мария Курявцева**) и Алёша (**Михаил Басов**). Из него по-ребячьи, дурачьи, будут плескаться друг на друга водой. Но большей частью колодец пуст. В него уходят и из него появляются герои. А вокруг, на всем протяжении спектакля, – пустые ведра. Новенькие. Блестящие. Пустые. Как образ неутоленной жадности материнства. В спектакле они многофункциональны. Кроме прямого своего назначения, они станут еще имитацией инвалидских протезов, тарой для бражки. В одном случае помогают покалеченным на войне женщинам, в другом помогают... добить эту горестную жизнь.

Не единожды, отделяя друг от друга эпизоды спектакля, вокруг колодца, взявшись не за руки, а за ведра, и соединенные ими, пройдут по сцене герои спектакля. Этаким хором. Греческим хором. Как напоминание о древних истоках весталочьих судеб. И как некая эмоциональная поддержка. Потому что в одиночку каждой из героинь невыносимо выдержать тяжкую долю. Вынести эту ношу.

Они очень разные – женщины, обреченные войной жить без семьи, без мужа, без детей. Горькое бабье царство. Кто озлоблен. Кто в запой уходит. Кто подумывает о самоубийстве. А кто, как распоследнюю надежду, заводит, рождает себе позднего ребенка-поскребыша... «Драма Номер три» создает замечательный ансамблевый спектакль, в котором вместе с тем есть мощные отдельные роли-судьбы (отчаянный, всепобеждающий оптимизм **Алевтины Ивановны** – арт. **Нина Бузинская** – многократно удостоивается аплодисментов зала).

Понятно желание театра создать из частной судьбы уральской девчонки «русскую Одиссею». Оттого в спектакль введены реминисценции, отсылающие не в одно поколение россиянок: песня «Рязанские мадонны», эпизод прощания с матерью из фильма «Баллада о солдате», ромашка как символ женской чистоты. Порой их даже многовато, подсказок из прошлого зрительского опыта. Но в целом театру удается создать историю-эпопею. Редкую даже по нынешним временам, когда многое о самой страшной войне XX века, прежде запрещенное к обнародованию, уже известно.

«Весталка» каменского театра – элегия о женщине на войне. Пережив ее, уже в мирной жизни они, опаленные войной, продолжали вести «бои местного значения». Борются с судьбой. С людским презрением, злобой. И побеждали.

Война, в разных ее проявлениях, – тема в искусстве вечная. Но случается, авторы открывают новые нюансы. Так было в 1980-х с романом Никонова. Так с «Весталкой» каменского театра. В преддверии грядущего юбилея Победы спектакль будет вызывать к себе все больше интереса. А героини – заслуженное уважение и сострадание.

БОРИС ЯРКОВ

ОН – ЭТО Я

Новый молодежный представил эмпатичный спектакль по роману Андрея Битова

На театральный смотр «Счастливого места» Новый молодежный театр Нижнего Тагила привез спектакль «Кирюша» – глубокое исследование внутреннего мира молодого человека, этапов формирования его личности и столкновения с жизненными трудностями. Основываясь на романе Андрея БИТОВА «Он – это я», режиссер Игорь ЛЕБЕДЕВ перенес зрителя в советский шахтерский городок, пропитанный духом эпохи.

У этого нижнетагильского театра уникальная аудитория – подростки, молодое поколение, отсюда и выбор темы, проблематики. Здорово, что еще и такой спектакль имел возможность быть представленным на «Счастливом месте», иначе бы полная панорама не сложилась, не хватало бы важного пазла.

Главный герой, Кирюша, молодой парень, которого отчисляют из университета из-за пропуска экзамена, вынужден столкнуться с трудностями взросления. Его путь – глубокое внутреннее путешествие, в ходе которого он должен научиться понимать и принимать себя. В маленький город он отправляется, бросив учебу и налаженный быт с родителями в Ленинграде. Там Кирюша собирается повзрослеть.

– На мой взгляд, мне удалось передать основной посыл автора, но, в любом случае, спектакль – это уже новое произведение. Мы насытили его современными смыслами. Кирюша у меня это новый герой – молодой человек, который потерялся и лавирует между стремительными переменами жизни, – говорит режиссер Игорь Лебедев.

– Кирюша очень похож на меня, да и почти на каждого подростка, находящегося в переходном возрасте. Когда всё не так, всё не то, планы рушатся, прежние ценности меняются. И в этот момент жизнь подкидывает тебе обстоятельства, в которых тебе сложно и некомфортно, но именно это и формирует характер, – дополняет исполнитель главной роли **Андрей Кошкаров**.

С первых минут мы погружаемся в атмосферу рабочего общежития с его шумом и суетой, песнями под гитару. Некоторые сцены разворачиваются в зрительном зале, и публика не только наблюдает за развитием сюжета, но и участвует в постановке, подсказывая, как поступить главному герою в той или иной ситуации. Интерактив – уже неотъемлемая часть современного театра.

Перед главным героем стоят экзистенциальные вопросы, на которые он пытается найти ответ, набивая свои «шишки»: любовь без взаимности, отчисление из университета, страх не оправдать ожидания родителей и другие трудности. Ключевой в понимании Кирюши, по мнению режиссера, является сцена, где герой просит автора «отмотать» день назад, чтобы исправить совершенные ошибки. Часы здесь, конечно, своеобразная метафора на течение времени, которое человек не ценит и бездумно пропускает меж пальцев.

Кульминация постановки – момент, когда Кирюше приходит повестка в армию. Прощаясь с любимой девушкой, он просит ее не ждать три года, а поступить в университет и жить дальше. Но героиня обещает поддерживать его и быть рядом в трудные времена. За этой сценой наблюдает капитан, который соглашается дать влюбленным провести еще один день вместе. В этот момент зритель видит лучшую сторону юноши – его самоотверженность в пользу близкого человека. Это значит – есть надежда, что он найдет верный путь.

Нурия ДЬЯЧКОВА

ПАВЕЛ ВОРОЖЦОВ